

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС =

Арсений ТАРКОВСКИЙ:

Росси, преледа, 1987, 16. эм. в.

«И ПОВТОРИТСЯ ВСЕ»

Мамка птичья и
стрекозья,
Помутнела синева,
Душным воздухом

предгрозя
Дышит жухлая трава...

ПО-МОЕМУ, уже эти четыре строчки — волшебство. И дело не только в их изобразительности, в вертикальном — сверху вниз — срезе мира, который оказалось возможным сделать при помощи столь немногих слов. Удивительно другое: за этими четырьмя строчками — абсолютно целостная ясная мировоззренческая система, которой можно только позавидовать, живя в сложном современном мире.

Строки эти принадлежат одному из старейших поэтов — Арсению Александровичу Тарковскому. То, что именно их я выбрал для «представления» Тарковского, — чистая случайность, так открылась книга. Откройся она на другой странице, качество строк было бы все то же. Этот феномен объясняется просто — перед нами Мастер. — Арсений Александрович, чего нельзя делать поэту, если он хочет остаться поэтом?

— Нельзя нарушать то, что когда-то считалось заповедями, — воровать, например, нельзя...

— Вы около шестидесяти лет пишете и переводите стихи — что такое поэзия для вас?

— Поэзия — это просто все в моей жизни. Я уверен, в мире нет ничего такого, что не могло бы стать объектом поэзии...

Есть вещи, которых я в стихах не люблю, — например, неточные рифмы, слишком экспрессивные стихи... По моему, рифма обязана быть точной. Это моральная категория. В неточной рифме есть что-то безнравственное. Наверное, между словами существует глубинная связь (так, например, связаны Любовь и Кровь). Нарушая ее, нарушаешь связь явлений, может быть, миров.

Я люблю поэзию Пушкина, Баратынского, Тютчева (он мастер сердечного страдания!), Ахматовой, ранние стихи Цветаевой. Очень люблю античную поэзию.

— А из наших современников?

— Самойлов, Межиров... Вознесенский сначала писал очень талантливо. Потом как-то ушел в модерн, причем самый бурный... Молодого Вознесенского очень любил Пастернак... Способный человек Чухонцев, это моя надежда.

— Арсений Александрович, как по-вашему, куда пойдет поэзия дальше?

— Трудно сказать. Может быть, в сторону распространяющихся у нас верлибров, может быть, в сторону метафорической левизны... Во всяком случае, любое жизненное наблюдение, любые реалии современного мира могут занять свое место в поэзии.

И все-таки о современном человеке будут судить по Пушкину, Баратынскому, Ахматовой, Цветаевой...

— Ахматова, Цветаева — эти имена, дорогие всем, кто любит русскую поэзию, составившие вместе с Блоком, Маяковским, Есениным, Пастернаком, Мандельштамом, Ходасевичем и другими выдающимися советскими поэтами первой половины двадцатого столетия так называемый серебряный век русской поэзии, — для вас это имена дорогих вам людей...

— С Цветаевой я познакомился в 1939 году в доме у Нины Герасимовны Бернер-Яковлевой. У нас сразу завязались очень хорошие дружеские отношения. В то же время подружился с Ахматовой. Она была очень умным человеком, а кроме того, еще остроумным. Как-то мы с женой пришли в гости к Ахматовой поздно вечером. Она послала Бориса, сына Виктора Ардова, в доме которого жила, купить что-нибудь к чаю. Вскоре он принес такие раздавленные конфеты-карамель — подушечки. Анна Андреевна спросила: «Боря, их хотя бы при тебе давили?...» Ахматовой нравилась моя стихи, мне — ее. А вот Мандельштам, которого я знал, когда был очень молодым, моих стихов не одобрял.

— А как же — «Эту книгу мне когда-то в коридоре Госиздата Подарил один поэт...»?

— Мандельштам действительно подарил мне когда-то свою книгу. Второе издание «Камня». А стихи эти я написал спустя годы.

...Говорили, что
в обличье

У поэта нечто птичье
И египетское есть;
Было нищее величие
И задерганная честь.
Как боялся он

пространства
Коридоров! постоянства
Кредиторов! Он как дар

В диком приступе
жеманства

Принимал свой
гонорар...

О чем бы ни были стихи Тарковского, когда я их читаю, испытываю чувство ликования. В них всегда празднуется безоговорочная победа над материалом! Мир осознан и прочувствован до элементарных частиц, составляющих его. Из этих элементарных частиц мир создан заново. При этом тяжелая работа совершается на наших глазах без видимого напряжения, с замечательным достоинством.

Никакой экстравагантности не допускает творческая манера Тарковского. Почти вопиющее постоянство в его стихах (или пресловутое «кровь-любовь») — замечательно, что это совершенно не мешает поэту осваивать реалии современного мира. Быть может, именно потому, что новые реалии обрабатываются в мастерской Тарковского старыми испытанными временем орудиями поэтического труда, современный мир его поэзии оказывается освоенным глубоко и полноценно.

Совершенно фельетонное у другого «В магазине меня обсчитали...» становится у Тарковского первой строкой пронзительного лирического стихотворения, которое поднимается, между прочим, до таких высот:

В снежном, полном
веселости мире,
Где алмазная светится
высь,

Прямо в грудь мне
стреляли, как в тире,
За душой, как
за призом, гнались;

Хорошо мне изранили
тело

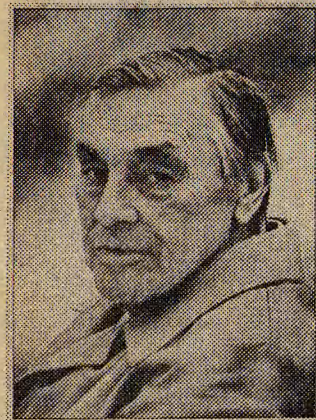
И не взяли за то
ни копыя,
Безвозмездно мне

сердце изъела
Драгоценная ревность
моя...

Как много весит здесь
каждое слово! Чем это достигается? Очевидно, судьбой...

— Арсений Александрович, ваша первая книга вышла, когда вам было — ни много ни мало — пятьдесят шесть лет...

— Была книжка перед

этим. Она должна была выйти в 1946 году, но издание сорвалось. Но от того, что моя первая книга вышла в пятьдесят шесть лет, ничего страшного не произошло. Сейчас у меня много книг — семь или восемь...

Иногда стоит помедлить с печатанием — стихи становятся лучше, когда долго лежат в ящике. Если бы в сорок шестом году вышла книжка, в ней было бы много слабых стихов.

— Слушаю вас и думаю о том, как иногда мы, нынешние молодые, суетливы. Может быть, именно это мешает написать кому-нибудь из нас новое «Я вас любил...».

— «Я вас любил...» — мои любимые пушкинские стихи. Чтобы написать такие, требуется высота духа, до которой еще нужно подняться... Может быть, темп жизни стал столь быстрым, что этим заниматься некогда...

Наша культура литературно-поэтическая. И если даже справедливо говорят о некотором снижении интереса к поэзии в последние годы, такое не может быть надолго. Не верю в это. Я вообще оптимист по своей натуре.

Смотрите, что происходит: при Петре Великом трудно было найти пятнадцать — двадцать человек, чтобы послать на учебу за границу, а их внуки уже были декабристами.

Вообще молодым, чтобы быть образованными, надо во что бы то ни стало учить языки. Это очень расширяет кругозор.

— А другие виды искусства — музыка, живопись — повлияли на вас как на поэта?

— Прежде всего музыка. В детстве, когда жил в Елизаветграде (ныне Кировоград), я лет пять учился играть на фортепиано. Учили меня отец и мать Нейгауза. Его мать была сердитой дамой — она подставляла под кисти, чтобы не опускаться, остро отточенные карандаши. Я от нее убежал... ПIANИСТ ИЗ МЕНЯ НЕ ПОЛУЧИЛСЯ, НО ЧТО-ТО ПОЛУЧИЛОСЬ, ВЕРНО, ДРУГОЕ... Музыка невероятно расширяет круг жизненных впечатлений. Музыка всегда потрясала и потрясает меня.

— Слушаю вас и вспоминаю межирисские строки: «Накая музыка была, накая музыка играла, когда и души, и тела война проклятая попра...».

— Война... Я служил два года в армейской газете «Боевая тревога». Получил ранение. Это были самые долгие и тяжкие два года в моей жизни... Война вошла в стихи, поскольку вошла в судьбу...

Сейчас, если человечество не облагоразумится, может произойти что-то страшное. Но в истории все идет волнами. Я надеюсь, что эту грозную волну нашими усилиями сменит другая — более светлая...

...Я вслушиваюсь в голос Тарковского, в его манеру говорить и вспоминаю, как некоторое время назад, еще не вполне оправившись после болезни, он читал стихи приехавшим к нему поэтам — слушателям Высших литературных курсов. Над Переделкином с угнетающим постоянством гудели самолеты, но Арсений Александрович, несмотря на угрозы поберечь голос, не прерывал чтения. Стихи прерывать нельзя, даже если над головой гудят самолеты... А читает он удивительно, как разве что, судя по записям, Ахматова умела: абсолютно равнодушно и помехам, давая почувствовать весомость каждого слова и точность каждого звука...

И это снилось мне, и это снится мне,

И это мне еще
когда-нибудь приснится,
И повторится все, и все
доволотится,

И вам приснится все,
что видел я во сне.

Беседу вел
Олег ХЛЕБНИКОВ.